

...В кабинете настала тишина, та мучительная, тоскливая тишина, которая всегда следует за каким-нибудь тяжелым объяснением.

Муж и жена продолжали еще сидеть, по-видимому, спокойно, и в комнате слышалось только нервное дыхание Марьи Сергеевны.

Итак, все кончено!

Все, чем жили столько лет, к чему привыкли за эти долгие годы, что когда-то любили...

В руках у Марьи Сергеевны был тонкий кружевной платок, и она нервно теребила и рвала его кружева похолодевшими пальцами.

Оставалось только уйти... Но почему-то именно в эту минуту ей было тяжело это сделать, и она продолжала бесцельно сидеть на низкой турецкой оттоманке, на которую опустилась, войдя к мужу для того, чтобы переговорить с ним в последний раз.

И вот они переговорили.

И как просто все вышло, гораздо легче, нежели она ожидала...

Марья Сергеевна устало отвела глаза от догоравшего камина и искоса взглянула на мужа.

Он сидел за своим письменным столом с таким же бесстрастным и холодным лицом, как и всегда... Массивная бронзовая лампа под зеленым абажуром, ярко освещая стол и разбросанные на нем бумаги, освещала его лицо каким-то зеленоватым светом, придававшим ему еще большую бледность.

Марья Сергеевна пытливо взглянула в это лицо, точно желая прочесть в нем что-то, но не прочла ничего.

Даже глаза, опущенные вниз, на бумаги, ничего не выдавали; только тонкая рука его, ярко освещенная лампой, как-то судорожно барабанила по столу.

И Марья Сергеевна машинально разглядывала так хорошо знакомую ей руку, на которой в эту минуту она с необычайною ясностью видела каждую жилку, морщину и даже густую тень темных волос, уходившую в глубь рукава и становившуюся к локтю все темнее. А тишина и точно вынужденное, выжидающее молчание становились все тягостнее.

Она еще раз вскинула глаза на мужа и нетерпеливо передернула плечами. Ее всегда сердила невозможность и неумение разгадывать душу своего мужа по его лицу.

Наконец, лениво, точно делая над собой усилие, она приподнялась с оттоманки и глубоко вздохнула, не то от усталости, не то от невольной грусти, и тоскливо окинула взглядом весь кабинет, как бы прощаясь с ним, как бы невольно жалея, что была в нем в последний раз, и вдруг ее глаза встретились с другими, смотревшими прямо на нее со стены кабинета из золоченой рамы.

Марья Сергеевна разом вздрогнула, схватившись рукой за сердце.

Вот оно, то, что еще не обговорено между ними. Марья Сергеевна не хотела сегодня касаться этого предмета, по-женски откладывая самое тяжелое до другого, хотя бы и непродолжительного времени. Но теперь она почувствовала, что не в силах тянуть эту пытку...

Муж, подняв голову, взглянул в ту сторону, куда глядела она, и ее ужас точно отразился и на нем; молча, с каким-то болезненным выражением, смотрел он вместе с женою на улыбавшуюся им из рамы детскую головку.

Кругленькое личико с обстриженными по-русски темными волосами плутовато улыбалось им, точно подсмеиваясь над ними.

- Наташа! - проговорила наконец Марья Сергеевна чуть слышно, с видимым спазмом в горле...

Павел Петрович отвел глаза от портрета дочери и еще угрюмее опустил голову. Он чувствовал на себе взгляд жены.

Она глядела на него молча, спрашивая его одними глазами, и, не говоря сама ни слова, казалось, требовала его ответа.

Кончено?! Еще несколько секунд тому назад она с облегченною душой думала, что все уже кончено, все выяснено! Да разве выяснено хоть что-нибудь, когда не выяснено самое главное, самое мучительное?!

А если он не отдаст ей Наташу!